

Тертту
ВИКСТРЕМ

ТОПОЛИНЫЙ СНЕГ

Знойный южный ветер катил вдоль аллеи комочки тополиного пуха. Белые пушистые мягкие шарики сбивались в клубочки, вбирая в себя пыль и мусор и постепенно превращаясь в серые грязные хлопья.

Степан сидел на низенькой скамейке в тени высоких пирамидальных тополей, обхватив голову руками. Взгляд его так пытливо изучал землю, словно он надеялся найти здесь что-то важное, но ничего кроме песчинок и камешков он не видел. И вдруг вниманием Степана завладел белый комочек, подкатившийся прямо к его ногам.

«Смотри-ка ты, снег... Тополиный снег, как и у нас в Карелии... — устало пронеслось в моз-

гу, а потом родилась другая мысль, горькая и безысходная: — Снег везде — и на висках, и в душе...»

Жара стояла невыносимая. Солнце пекло всюду, и горы, казалось, тоже дышали зноем. Степану пришлось снять легкий серый пиджак. Он положил его на скамейку, рядом с черной «дипломаткой», как попросту называл портфель типа «атташе-кейс». Сейчас в этом красивом портфеле, подаренном Степану товарищем, лежали отнюдь не деловые бумаги, а вещи очень прозаические: чистая рубашка, электробритва, носки, платки и прочее, что может понадобится человеку в трехдневной поездке. Да, и еще подарок. Ведь он прилетел

сюда, на южный курорт, где отдыхала его жена, к дню ее рождения. Для этого ему пришлось пересечь с севера на юг всю огромную страну — от Петрозаводска до Черноморского побережья Кавказа.

Мысль заявиться к Любаше на день рождения возникла у Степана неожиданно и скорей всего потому, что ему было очень тоскливо и одиноко без Любы. И еще ему так хотелось доставить ей эту радость: протянуть маленький футляр, где на черном бархате красовался золотой перстень с крупным рубином.

Однажды во время субботней прогулки они зашли с Любой в ювелирный магазин «Кристалл». Степан видел, как понравился тогда Любе рубиновый перстень, она даже примеряла его. И перстень действительно подчеркивал красоту ее белой руки, нежность и женственность всего ее облика. Степан залюбовался милым зарозовевшим лицом жены в венке толстой и длинной русской косы, из-под которой непокорно выбивались кудрявые завиточки, всегда так волновали Степана...

Однако перстень они в тот раз не купили: у них просто-напросто не было свободных денег. Степан, правда, принялся доказывать жене, что они вполне могут позволить себе эту покупку, если чуточку сэкономят.

— Да не чуди ты, Степа. Вспомни, что мы решили откладывать деньги на цветной телевизор. Не все же можно купить, что хочется... Или ты думаешь, что мы миллионеры?.. А может, ты нашел клад или тебя ждет большая премия? — Люба подшучивала над Степаном и тихо, счастливо смеялась. — У меня на душе и так уже радостно, Степушка, что тебе хочется сделать мне такой подарок.

Взяв мужа под руку, она вывела его из магазина. Степан же на всякий случай запомнил размер перстня, оказавшегося Любаше впору.

Покупка облюбованного перстня произошла неожиданно-негаданно. Строительная организация, в которой трудился инженер Степан Патроев, получила премию за выполнение плана первого полугодия. Получив премиальные, Степан твердо знал, на что он потратит эти «бесплатные деньги», как называл подоб-

ные непредвиденные доходы один его товарищ по работе.

Сомнений никаких: он покупает рубиновый перстень, едет к Любе в дом отдыха, куда она уехала две недели назад, и в качестве сюрприза преподносит его жене ко дню рождения.

«А почему бы мне не поехать?.. — размышлял Степан. — По Любе я так соскучился, что и признаться совестно... Да и Люба, уезжая, кажется, говорила, что день рождения одной встречать очень грустно. А я возьму и нагряну в гости. Как снег на голову. Деньги у меня в кармане, в запасе два отгула за сверхурочные. Вот и использую эти денечки, съезжу к Любе...»

Степан был человек дела и в тот же вечер собрался в путь. Перед отъездом он зашел в парикмахерскую и, заговорщически подмигнув девушке-мастеру, попросил сделать его помоложе да покрасивей, так как ему предстоит исключительно важное свидание.

Пока девушка подравнивала ему виски, Степан продолжал добродушно комментировать:

— Вот так, долой седину... Смотри-ка, да я еще ничего себе паренек... Лишь бы слишком молодым не стал, а то и милушка меня не признает...

Одевался Степан для этой поездки очень тщательно. «Рубашку мне надо бы повеселей, — решил он, критически оглядев себя в зеркале. — Ладно, куплю завтра в Ленинграде». Выходя поздно вечером из квартиры и отправляясь на вокзал, на ночной поезд, Степан по-мальчишески насвистывал что-то... Мысленно он тут же отметил, что такого с ним не случилось уже много-много лет.

Ночь прошла под мерный стук колес. Иногда сквозь сон Степану чудилось, будто вагонные колеса выводят одну бесконечную песню: «К Любаше на день рождения... К Любаше на день рождения... К Любаше...»

Несколько часов полета — и самолет совершил посадку в аэропорту Адлер. Потом еще небольшой переезд поездом — и через несколько минут Степан уже может поздравить свою Любашу с 35-летием.

«Интересно, что Люба скажет о подарке? Обрадуется, конечно, но для порядка начнет выговаривать, что я такой-сякой, деньги на

ветер швыряю... Ну и удивится же она, когда я появлюсь!»

Так раздумывал Степан, торопливо шагая вдоль тополевой аллеи. Добрые люди подсказали ему, что разыскиваемый им дом отдыха находится в предгорье, там, где кончается эта длинная аллея тополей.

Когда Степан постучал в дверь комнаты, где должна была находиться Люба, ему ответили:

— Пожалуйста, входите!

В комнате были две девушки.

— Здравствуйте, девчата. Могу ли я видеть Любовь Патроеву?

Девушки вежливо ответили на приветствие:

— Здравствуйте.

И тут же недоуменно переглянулись. С минуты они молчали.

— Но... Люба уехала домой, — проговорила наконец одна из девушек, блондинка, откинув волосы со лба назад каким-то лихим мальчишеским движением. — Да, вчера... Она уехала вчера, в Старую Руссу. Сказала, что соскучилась по дому...

— Не пробыла здесь до конца весь срок, — добавила другая девушка, у которой даже сквозь темный загар проступали выразительные веснушки. В тоне девушки Степан уловил какие-то извиняющиеся нотки.

— Вот как... Уехала, значит, — проговорил Степан потухшим голосом. Его словно обухом по голове ударили.

— А вы кто ей будете?

— Племянницей она мне доводится... Живу тут... недалеко... Получил от нее открытку, вот и заехал проведать...

Степан говорил первые пришедшие на ум слова, сам не понимая, почему скрывает правду. Может, его толкало на это недоуменное выражение на лицах девушек? Наверное, им трудно поверить, что такой немолодой мужчина может быть мужем Любаши.

— Садитесь, пожалуйста! — вдруг спохватившись, засуетились девушки, явно смущенные тем, что не догадались предложить человеку стул раньше.

— Спасибо, спасибо, — ответил Степан и присел, чтобы немного прийти в себя. Нарушая затянувшееся молчание, он проговорил:

— Жаль, что не застал я Любушку, а то позд-

равил бы, у нее ведь завтра, кажись, день рождения...

— Да, да, — закивали девушки. — Она нам говорила, тридцать пять лет. Люба еще сказала, что хочет отметить свой юбилей дома, вместе со своими.

Теперь Степан уже ничего не понимал. Он был окончательно сбит с толку. Он должен сейчас же уйти отсюда, ему надо побыть одному. Непременно одному... Он должен подумать, поразмышлять, и чтобы никто не видел, какая шемящая боль и тоска пронизывают всю его душу...

Он встал, достал из «дипломатки» коробку шоколадных конфет и протянул ее девушкам:

— Кушайте, девушки, за Любино здоровье...

Если вы этих конфет не съедите, они совсем растают на солнце. А мне, пожалуй, пора. Ну, будьте здоровы, отдыхайте.

С этими словами Степан вышел из комнаты. Растерянные девушки и благодарили, и прощались одновременно.

Когда дом отдыха остался позади, скрывшись за поворотом, Степан присел на низенькую скамейку в тени тополей. Долго просидел здесь в раздумье Степан, словно застыв в горестной позе — опустив голову и склонив плечи. Но сколько бы он ни думал, никаких разумных ответов на свои вопросы не находил. Единственное, что он в точности знал: Старая Русса — это родной Любин город, где когда-то давно жила ее тетя Катя.

Эта сердечная женщина была Любе вместо матери, она растила и воспитывала Любу с тех самых ужасных дней, когда девочка осталась круглой сиротой. Тогда в результате трагической автомобильной катастрофы погибли одновременно ее отец и мать. Девочка была еще очень маленькая, ей просто сказали, что мама с папой уехали далеко-далеко, и она постепенно привыкла к тому, что тетя Катя заменила ей и мать, и отца, и все на свете... Про это однажды Люба коротенько рассказала Степану.

«И зачем Любе понадобилось сейчас в Старую Руссу? — ломал себе голову Степан. — И тети Кати-то уже в живых давно нет... И мне ни слова не сказала... Удивительно... Не пойму я ничего...»

Был момент, когда Степан едва не ринулся

сломя голову в Старую Руссу, чтобы самому на месте разузнать, зачем это Люба неожиданно поехала туда. Но от этой мысли он вскоре отказался. По натуре Степан был сдержанным, разумным человеком и, чуть успокоившись, рассудил, что раз у Любы есть своя тайна, то пусть она сохранится. Придет время, и жена сама обо всем расскажет. А коли не расскажет — так тому и быть

Но решение это далось ему нелегко. Степан чувствовал, что находится в разладе с самим собой. «Надо взять себя в руки», — приказал он себе, упрямо сжав рот и ударив кулаком по колену.

У Степана не было ни малейшего повода подозревать Любу в неверности, но сомнение вползло в душу холодящим, противным вопросом: «А что, если у Любы... есть кто-то другой? Наверняка молодой и красивый... — При этом Степан невольно потрогал рукой свои виски, седые, как тополевыи снег. — Что если тот другой целует сейчас ее шею?..»

Почему именно так сомнение явилось его разгоряченному воображению? Может, потому, что он сам любил целовать завитушки ее кудрей?.. «Нет, нет! — немедленно оборвал он себя. — Если что, сказала бы прямо. Прости, милая, что подумал про тебя плохое. Прости, Любушка. Видит бог, я от горя рассудка готов лишиться».

И тут Степана осенило: а что если Люба за это время уже вернулась домой, в Петрозаводск? Что она подумает?

Тревога завладела Степаном.

«К черту все! Домой — и никаких! Ну и дурак я, пустился в путешествие... Сидел бы лучше дома», — проклинал себя Степан и вдруг с такой ненавистью пнул лежавший перед ним камешек, словно тот был виноват во всех его злоключениях.

Но, несмотря на принятое решение, Степан по-прежнему продолжал сидеть в тополевой аллее. Он чувствовал себя таким усталым, таким разбитым, что его даже не прельщало купание в Черном море, хотя оно маняще серебрилось совсем рядом. Пот катился градом с лица Степана, и он то и дело механически утирал его большим носовым платком.

На сердце же у него была зима. И белые топо-

линные пушинки казались ему холодными снежными хлопьями. «Вдруг и любовь Любину тоже запорошило снегом? А может, еще и не запорошило, может, и упала-то всего какая-то одна снежинка... Холодная, страшная снежинка...»

Именно этого Степан боялся все годы их совместной жизни. «Люба такая молодая, такая красивая, а я — уже почти старик», — и Степан горько усмехнулся своим мыслям.

Сейчас, терзаясь и мучаясь, Степан понял ошутимее, чем когда-либо, что он безмерно любит Любу и готов простить ей все на свете. И он знал уже наперед, что станет несчастнейшим на земле человеком, если Люба покинет его.

«И почему я никогда не говорил Любе, как она дорога мне?.. Вот так прямо, по-мужски... Взял бы и сказал, что она для меня — одна на свете радость, что я не из тех мужчин, у которых в каждом городе по зазобе...»

Степан решил высказать все это жене при первой же встрече. «Если вообще свидимся», — усмехнулся он и неожиданно вспыллил:

— Говори не говори, а любовь словами не уговоришь... И уж коли женщина решит уйти, так уйдет все равно, ее не удержать!

Степан и сам удивился, что произнес эти слова вслух, словно предназначая невидимому собеседнику. Правда, содержащаяся в них, была горькой и утешения дать не могла. Тем более что, сам того не сознавая, он готов был действовать вопреки этому, готов был удерживать Любу каждой клеточкой своего тела, каждым нервом, всеми силами своей души.

Степан тяжело поднялся и, чтобы немного размяться, походил по аллее, нашел питьевой фонтанчик и долго, жадно пил прохладную воду. Потом, взяв свой стильный портфель, зашагал к станции — ожидать поезд, который доставит его в Адлер, в аэропорт.

До дому он добрался легко и удивительно быстро. Но из поездки вернулся словно другой Степан Патроев, настолько старым, дряхлым и крайне несчастным человеком чувствовал он себя.

Сидя в такси, мчавшем его по направлению к городу, Степан размышлял над тем, как по-разному человек воспринимает одни и те же

вещи и явления в зависимости от обстоятельств. Обычно, возвращаясь домой, он всегда надеялся, что Люба ждет его, что в окнах их квартиры горит желанный домашний свет. Но теперь обстоятельства были иные, и Степану впервые хотелось опередить жену...

Однако на тот случай, если Люба все-таки уже вернулась домой, Степан придумал для нее версию, что его, дескать, послали в Ленинград, в командировку в один научно-исследовательский проектный институт.

Вскоре он был уже дома, в новом микрорайоне, на Нойбранденбургской... День склонялся к вечеру, но в окнах не было огня, да и не могло быть: в Карелии стояла пора белых ночей, и кому придет в голову зажигать свет... Почтовый ящик был переполнен газетами. Значит, Любы еще нет дома. Степан вздохнул, испытав одновременно чувство и облегчения, и щемящей тоски. Тяжело и устало поднимался он к себе на третий этаж.

На следующее утро, в понедельник, инженер Патроев, как обычно, отправился на работу. Про его путешествие там никто не знал, а стало быть, и говорить никому ничего не придется.

Путь до стройуправления неблизкий, но Степан почти всегда шел на работу пешком. Длительная ходьба по утрам была хорошей зарядкой, помогала сохранять выправку. Наблюдая за многими знакомыми пожилыми людьми, Степан замечал, как с годами изменяется их осанка, как старческим шарканьем сменяется когда-то легкая походка. Степан же этого боялся и не хотел.

Так началась новая неделя — неделя нелегкого для Степана ожидания. Вернется ли Люба? Где она теперь? Почему так долго задерживается? Может, она вообще... не приедет?

Ревнивые мысли тоже нет-нет да и посещали Степана, дразня его мужское самолюбие, хотя подсознательно он чувствовал, что дело здесь не в измене. Здесь кроется что-то другое.

Уже который раз Степан снова принимался бранить себя:

«И что за лихомань понесла меня туда, на юг? Сидел бы себе спокойно дома и ждал бы Любу... Срок-то в доме отдыха ей еще не вы-

шел... Глядишь, она и приехала бы. Ну что мне от этой поездки? Одна тоска да забота».

В эти дни, когда Степан впервые в жизни осознал как вполне реальную перспективу возможность потерять жену, именно в эти дни он окончательно понял, что жить без нее не может.

На маленьком туалетном столике в открытом футляре ждал Любу рубиновый перстень, Степану так и казалось, что он дразнит его, смеется своим красным искрящимся глазом... Степан подошел и раздраженно закрыл крышку футляра. «Пусть тут дожидается Любу...» И снова при этом всплыло сомнение: «Только дождется ли?..»

Словно наваждение, Люба была теперь в мыслях Степана и днем и ночью.

«Хорошая ты моя, единственная... Кабы ты это знала, Любушка... Если ты меня бросишь, мне без тебя и белый свет не мил... Жить я, может, и не перестану, но без тебя все будет не так, все неладно... Радость для меня потухнет и свет померкнет... Любушка...»

Если только Люба вернется, он никогда у нее не спросит, зачем она ездила в Старую Руссу. Даже если этот вопрос будет терзать его до конца жизни. Лишь бы она вернулась. А он, Степан, на все согласен. С ее приездом должен растаять в душе тот снег, должен сгинуть так же бесследно, как на заре, под утро, выветриваются из головы все самые страшные сны ночи...

Такое решение принял Степан, коротая в одиночестве прозрачную светлую ночь... Белой ночью глаз хорошо различает в комнате все малейшие предметы. Вот светлым пятном белеет рядом подушка, на которой он привык видеть голову Любы, здесь он любил вдыхать родной приятный запах ее волос. Степан и сейчас почти ощущает его, а память упрямо вызывает картины прошлого. Они будоражат кровь, заставляют сильнее биться сердце, и сон окончательно покидает его.

Где-то на полпути между явью и сном Степану кажется, будто Люба вдруг ласково склоняется над ним и ее теплая грудь касается его плеча... Вот она обвивает косой его шею и нежно шепчет:

— Привяжу тебя косой, будешь моим пленником на всю жизнь...

– Самый желанный в мире плен, – тихим счастливым смехом смеется Степан. Он прижимается губами к обнаженному женскому плечу и, задыхаясь, вновь произносит слова, старые как мир, потому что все влюбленные, с тех пор как существует на свете любовь, произносят эти слова на всех известных миру языках.

Но сегодня Степан добавляет к ним как молитву: «Не бросай меня, Люба... Не лишай своей ласки. Вернись и дай мне силу, чтобы жить».

В те самые дни, когда Степан так нервничал, так мучился и томился в ожидании Любы, она ходила по улицам Старой Руссы, где когда-то бегала беззаботной девчонкой, а потом степенно гуляла школьницей, в последнее время все чаще с одноклассником Василием. Это был длинный, нескладный парень, довольно близорукий, и поэтому его красивые глаза, опущенные густыми ресницами, прятались за толстыми стеклами очков. Но Люба считала, что очки совсем не портили парня, а даже наоборот – придавали ему солидность, так что он вполне соответствовал своему прозвищу Профессор. Когда Василий иногда снимал свои очки, то сразу делался беспомощным, как малый ребенок, и тогда Любе бывало очень жаль его.

Они вместе окончили школу и вместе уехали в Ленинград учиться. Василий в медицинский, Люба – в инженерно-строительный. Пять лет в Ленинграде промелькнули как один день. Так же вместе вернулись они в свой родной город: Люба – архитектором, Василий – врачом. Многолетняя, давняя дружба переросла в любовь. Молодые люди готовились к свадьбе, им оставалось подождать всего несколько месяцев, когда они получат квартиру. Мир казался бескрайним, а будущее рисовалось светлым и многообещающим.

Но в один из воскресных дней случилось несчастье. Рано утром Василий и Люба отправились на велосипедах далеко за город, на берег тихой речки, где у них было свое излюбленное место. Уже по пути Василий почувствовал внезапную острую боль в животе... Боль все не проходила и даже усиливалась.

Приступы становились нестерпимыми. Тогда Люба бросилась на велосипеде к шоссе и решительно остановила первую встретившуюся машину. Забрав Василия с Любой, машина мчалась в город.

«Аппендицит... Возможно, даже перитонит... Похоже... Нужна срочная хирургическая помощь, сию минуту...» Такими словами Василий охарактеризовал Любе свое положение. Лицо его было бледным как полотно, на лбу проступил холодный пот.

Вот наконец и горбольница. Когда Василия увозили на каталке из приемного покоя в операционную, он из последних сил пытался улыбнуться Любе. Но страдальческой и вымученной была эта улыбка, последняя улыбка на бледном юношеском лице.

Потом Люба видела Василия только в гробу. Помощь была оказана слишком поздно, и Василий погиб от перитонита.

– Подумать только, врач, а сам, сердешный, на операции помер! – причитала на похоронах какая-то сердобольная старушка.

– Такая, стало быть, судьба ему была заказана, – проговорила в ответ горбатенькая женщина и трижды набожно перекрестилась: – Господи помилуй... Господи помилуй... Господи...

Старушки искоса поглядывали на Любу, тихо перешептываясь:

– А вот, смотрите, невеста его стоит. Так плачет, бедненькая, так убивается. Одна-одинешенька на свете осталась, сохрани ее господь. В прошлом году тетку свою, бабу Катю, похоронила, а ныне вот жениха провожает...

Рухнули тогда все Любины мечты – о светлом будущем, о молодой любви, о семье.

Все это, пережитое много лет назад, живо вспомнилось ей теперь на могиле Василия.

Долго сидела Люба на низенькой скамейке перед холмиком земли, слезы уже успели высохнуть на ее щеках. Они нахлынули так неожиданно – горькие, жаркие слезы. Люба оплакивала Василия, оплакивала свою молодость и все несбывшиеся надежды.

Даже самой себе не смогла бы она объяснить, почему не хотела, чтобы Степан знал об этой ее поездке в Старую Руссу... О том, что она сидит здесь, на могиле Василия. Ей каза-

лось, что тогда пришлось бы рассказывать и объяснять Степану нечто такое, что должна знать только она одна. Ведь рассказать Степану про Василия — это все равно что предать свою первую любовь. Память о Василии принадлежит только ей, и пусть эта память будет святой, нетронутой.

«Если бы я рассказала все Степану, то он, возможно, захотел бы поехать вместе со мной... И чтобы я стояла сейчас здесь, у этой могилы, со Степаном?.. Нет, нет! Никогда! Это было бы оскорбительно для Василия».

Принесенные Любой цветы — красные и белые гвоздики — остались на могиле знакомой женщины о прощении за то, что осталась жить и даже смела еще быть счастливой.

«Какая удивительная жизнь,— думала Люба, неторопливо шагая по тропинке, петлявшей между могилами; эта тропинка вела ее к последнему приюту тети Кати. — Кладбище летом словно цветущий сад, и в этой мертвой, гробовой тишине птицы поют так звонко, так неистово...»

Тогда же Люба подумала, что будь у нее дети, она назвала бы мальчика Василием, а девочку Василисой. «В память о тебе, Вася», — тихо, одними губами, прошептала Люба и снова в душе посетовала, что детей у них не было — ни мальчика, ни девочки.

После смерти Василия Люба не могла оставаться в Старой Руссе: здесь все напоминало ей о нем. И девушка решила навсегда покинуть свой родной город, уехать на Север, в Петрозаводск, куда ее звала Айла, подруга студенческих лет.

Вместе с Айлой Люба училась в Ленинграде и пять лет прожила в одной комнате в общежитии... Подруги часто бродили вечерами по берегам сонной Невы, поверяя друг другу девичьи тайны. Влюбленная в свою Карелию, Айла много рассказывала про родной город. «Знаешь, он такой зеленый, красивый, в окружении лесов и синего Онега, но там надо еще много строить, переделывать, перекраивать, так что нам, будущим архитекторам, работы будет более чем достаточно...»

Узнав о постигшем подругу несчастье и о намерении Любы покинуть Старую Руссу, Айла тут же написала ей:

«Слушай, Любушка, приезжай к нам в Карелию. Честное слово, не пожалеешь. Я помогу тебе устроиться на работу, а пожить первое время можешь у меня... Старички мои добрые, рады будут. А потом что-нибудь придумаем. Главное, работы здесь хватает, а за делами да за работой и печаль твоя — надеюсь — понемногу уляжется...»

Любе было все равно, куда переезжать. Только бы поскорее, только бы прочь! И почему бы не в Петрозаводск, тем более что там Айла... и она так зовет ее...

Через две недели после письма подруги Любовь Симагина переехала в Карелию и поступила на работу в проектную группу крупного петрозаводского стройуправления.

Тогда, в первое время, никто из сотрудников управления не поверил бы, что инженер Степан Павлович Патроев и начинающий архитектор Любовь Андреевна Симагина через несколько лет поженятся. Не поверил бы, во-первых, потому, что разница в их возрасте составляла целых пятнадцать лет. Как-никак, а дистанция довольно солидная! А во-вторых, и это было главным, Степан Павлович прослыл среди строителей закоренелым холостяком и женоненавистником. Сколько его люди помнили, он всегда жил один и женщинами не интересовался, знакомств не заводил. За ним прочно утвердилась слава старого холостяка, а те из женщин, кто одно время считал Степана завидным женихом, давно уже утратили все свои надежды.

У Степана же была своя причина ненавидеть женщин. Только мало кто об этом знал.

Еще в мирное время, перед самой войной, Степан, будучи совсем юным, женился на девушке, с которой случайно познакомился на танцах. Девушка была прехорошенькая, но очень легкомысленная. По уши влюбленный в нее молодой супруг надеялся, что с годами его веселая подруга остепенится — пойдут дети, появятся заботы о семье, чувство ответственности... Но не успели они прожить и нескольких месяцев, как началась Великая Отечественная война. В первую же военную осень Степан был тяжело ранен в боях под Ленинградом и надолго угодил в госпиталь.

Он чуть не лишился ноги, судьба его долго

висела на волоске. И вот тогда, в порыве отчаяния, во власти минутной слабости, Степан написал домой, что ему отрезали правую ногу. Парню до боли хотелось узнать, как отнесется к этому его молодая жена. Ответ пришел очень скоро и был отрезвляюще краток и жесток:

«Инвалида мне не надо. Я нашла другого. Так что своими письмами меня не тревожь».

«Сука!» — выругался Степан и с такой силой сжал в руке письмо, что это движение острой болью отозвалось в раненой ноге.

Ногу его врачам удалось спасти, но ходить ему было трудно, и Степан довольно заметно прихрамывал на правую ногу. После госпиталя он уже не участвовал в боевых операциях на передовой, а служил в армейском стройбате. Это и определило в будущем выбор его профессии. С тех самых пор Степан презирал женщин и жил себе бобылем.

В профкоме стройуправления Любовь Андреевна отвечала за работу культмассового сектора. И вот однажды, приглашая в очередной раз сотрудников в культпоход, она решила уговорить посмотреть балет «Сампо» и инженера Патроева.

— Ну почему это вы, Степан Павлович, всегда уклоняетесь от участия в наших культурных мероприятиях? Только на этот раз вы не отделаетесь, вам придется пойти. И у меня, знаете ли, к вам просьба: не можете ли вы быть так любезны и составить мне компанию, а то все парами, а я одна. Ну, так как же?

— Охотно, — буркнул в ответ Патроев. Не мог же он в самом деле отказать в такой просьбе женщине, хорошему товарищу, тем более что просьба была высказана так доверительно и так прямо. К тому же разговор происходил в присутствии многих сотрудников, а в коллективе все уважали Любовь Андреевну. Словом, на этот раз Патроеву отказать действительно было никак нельзя.

А Любовь Симагина в свою очередь считала, что ее полусуточные слова никем не будут восприняты как бестактная назойливость, поскольку Степан Павлович годами значительно старше ее и вообще человек солидный.

После балета Патроев проводил Любовь

Андреевну до дому и, к своему удивлению, отметил, что ему было легко и приятно в обществе молодой женщины. Любовь Андреевна нравилась ему и в рабочей обстановке: она умела спокойно, с большим достоинством и чисто женским тактом вести себя при обсуждении трудных производственно-технических проблем, была приветливой и доброжелательной с товарищами. И чем больше инженер Патроев раздумывал о Любви Андреевне, тем больше положительных качеств находил в ней. Эти качества делали Любовь Андреевну в глазах Патроева намного привлекательнее окружающих женщин. Всю обратную дорогу Степан Павлович думал о Любе. Однако уже перед самым домом не удержался, чтобы не съязвить в свой собственный адрес: «Да ты, Степа, кажись, готов растаять от умиления...»

Но если уж быть до конца честным, то Степана очень порадовали бы — доведись ему их услышать — раздумья Любви Андреевны после этого театрального вечера:

«И что это наши женщины привыкли считать Степана Павловича старым... Вот уж не сказала бы! Он не такой уж старый и вовсе не сыч, как многие утверждают... Наоборот, очень приятный, милый, обходительный человек... Правда, немногословный... Зато для своего возраста удивительно моложавый, да и вообще отлично выглядит... К тому же очень толковый инженер, не карьерист, всегда готов помочь в работе».

После этого культпохода они словно случайно частенько оказывались вместе, пока, наконец, не были вынуждены признаться — по крайней мере самим себе, — что взаимно ищут встреч.

Только Степан никак не смел до конца поверить, что такая молодая и красивая женщина, как Любовь Андреевна, всерьез обратила на него внимание, поэтому он был предупредительно вежлив, но сдержан. Однако потребность общения становилась день ото дня все насущней, и инженер Патроев нет-нет да и находил какой-нибудь повод заглянуть в рабочий кабинет к Любви Андреевне. И всякий раз он с удовольствием отмечал про себя, что архитектор Симагина искренне рада его появлению. Это придавало Степану смелости, и он стал искать и находить поводы для встреч с

Любовью Андреевной не только на службе, но и в свободное время: то пригласит ее в кино или в театр, то на какую-нибудь выставку, то покататься на катере по озеру или просто погулять по Онежской набережной...

Любовь Андреевна отметила с радостным беспокойством, что в ней созревает новое большое чувство. Она испытывала к Степану Патроеву такую глубокую женскую нежность, которая раньше была ей неведома и которая была сильнее и самоотверженнее, чем пылкая любовь юности.

Любовь переполняла и душу Степана, но он все робел, все не решался на откровенный разговор. Такой энергичный и скорый на деловые решения, теперь, когда ему предстояло сделать ответственный шаг в своей собственной жизни, он был охвачен сомнениями. Нерешительность Степана начала даже раздражать Любовь Андреевну. Она и понимала его, и в то же время злилась на его робость. И вот однажды в кинотеатре во время сеанса Люба доверительно вложила свою руку в ладонь Степана. В этом ее жесте были и прямой намек, и просьба, и ласка, и вопрос, и ответ... Степан с благодарностью пожал Любину руку.

В тот же вечер, после кино, он впервые пригласил Любу в гости:

— Может, зайдем ко мне в холостяцкую берлогу? Чаем напою.

Люба ничего не ответила, только посмотрела на Степана долгим взглядом. Чуть заметно дрогнули в ответ ее ресницы...

Прошло еще немного времени, и Любовь Симагина стала Любовью Патроевой и от Айлы перебралась жить к Степану.

Сотрудники были давно подготовлены именно к такой развязке и только с любопытством ждали, когда же это случится. Поздравляя Любу и Степана, они — как водится — желали им согласия и счастья, здоровья и благополучия... А старик главбух похлопал Степана по плечу и сказал по-карельски с доброй лукавинкой в глазах:

— Мир да любовь! Да не забывай, Степа: чем моложе жена, тем больше мужику хлопот... Так у меня на родине, в деревне Пряже, говорят.

Но никаких хлопот и огорчений Степан не

знал с Любой до последнего времени. Умея беречь друзей и ценить любовь, он всегда верил, что это свойственно и его жене. И он не ошибся.

Однажды летним вечером в квартире Патроева прозвучал долгожданный телефонный звонок из Москвы; подобно избавительному удару меча, он одним разом разрубил все сомнения. Таким родным, прежним голосом Люба говорила с ним:

— Степушка, дорогой... Как ты там, как дома? Ну, и слава богу!.. У меня тоже все хорошо. До встречи! Я приезжаю завтра, днем.

И приехала.

И вместе с ней вернулось в дом счастье.

В погожий августовский вечер дружной, согласной парой Люба и Степан шли по Онежской набережной. На руке у Любы поблескивал рубиновый перстень.

Иногда яркий блеск камня привлекал внимание молодой женщины, и тут же ее сияющий, полный признательности и нежности взгляд останавливался на муже.

О чем только не переговорили во время прогулки Степан и Люба. И вдруг неожиданно для мужа, лукаво улыбаясь, Люба заявила:

— А знаешь, Степа, я присмотрела тебе к празднику серовато-синий костюм финской фирмы «Туро». Этот цвет теперь будет очень тебе к лицу. Уж больно виски твои опушило снегом.

При этом последнем слове Степан вздрогнул.

«Снегом!..» Тополиный снег вспомнился ему на мгновение.

Да был ли он, тот снег-то? Может, давно растаял? А может, именно он так обильно посеребрил виски Степана? Поди знай...